

УДК 340.113
ББК 67.022.14

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ТЕХНИКА» И «ТЕХНОЛОГИЯ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

О.И. Шарно

Автор рассматривает вопрос о соотношении категорий «техника» и «технология» в контексте правореализации. Анализ существующих в науке понятий «техника» и «технология», дискуссий о их соотношении позволяет сформулировать выводы о «техничности» юридической деятельности в целом и о «технологичности» ее процессов и явлений. Это дает возможность вывести авторское определение категории техника юридической деятельности. Наиболее действенными в процессе правореализации техническими средствами являются правовые символы.

Ключевые слова: техника, технология, юридическая техника, правореализация, символы, правовые символы.

Современные тенденции и перспективы развития правовой науки и юридической деятельности сопровождаются повсеместной технологизацией процессов и явлений, в том числе правовых. Техника оказывает зачастую решающее воздействие на социально-экономический и политико-правовой строй государства. Вопросам технической составляющей права в последние годы уделяется все больше внимания: формируются государственные программы информатизации и совершенствования правовой системы, проводятся государственно-научные фестивали и конференции, разработан и эффективно функционирует портал «Наука и технологии».

Сущность техники юридической деятельности, как и человеческой деятельности вообще, естественно, обладает характерными особенностями и закономерностями. Ведь несомненно, «техника животного и техника человека – две большие разницы. Если первая – это бессознательный инстинкт, подчиненный законам природы, то вторая – независимая, устремленная в будущее, личностная деятельность в целях саморазвития. Она совершенствуется, изобретается, творится» [21, с. 124]. Поэтому

техника человеческой деятельности будет отличаться собственными признаками, функциями, содержанием. Таким образом, любая деятельность, в том числе и юридическая, имеет технический аспект. В этой связи принято говорить о следующих *основных подходах к пониманию техники* [23, с. 33–46]: а) *технократическом*, когда все основные сферы человеческой деятельности трактуются «технически», как существующие для овладения природой и обеспечения общественного производства, при этом наука выступает как непосредственная производительная сила, а образование – как подготовка специалистов для производственных процессов [там же, с. 33]; б) *естественнонаучном*, где техника выступает явлением природы, подчиняющимся определенным законам, при этом природа становится материалом технологий, а человек – субъективным условием становления технической реальности [там же, с. 38–44]; в) *социокультурном*, объединившем технократичность и естественнонаучность, выражающем сущность техники, соотносящем ее с рядом иных явлений – природой, человеком, языком, деятельностью (техника уже не самостоятельное явление, а рассматривается как аспект различных действительностей: науки, практики, культуры, реализуясь, прежде всего, социальными и гуманитарными науками –

социологией, культурологией, антропологией, философией) [23, с. 44–46].

Следует упомянуть и ряд других интерпретаций технических аспектов жизнедеятельности. *Философское понимание* техники заключается во взаимодействии научно-технических знаний, технических устройств, различных видов технической деятельности по созданию этих устройств (изготовление, проектирование, научно-технические исследования), что наглядно показывает поступательное движение от научно-технического знания через техническую деятельность при помощи технических устройств к конечному результату. Применяя данную методологическую схему к юридической технике, мы можем наглядно увидеть, как от научного знания через техническую деятельность с помощью технических устройств (средств, приемов) мы получаем нужный нам результат. В *общепринятом значении* техника выражается в двух связанных между собой, но различных по своей сути явлениях: «техника как совокупность средств человеческой деятельности, созданных для осуществления потребностей общества, и техника как совокупность способов, приемов, навыков в каком-либо виде деятельности» [там же, с. 33–46]. Следовательно, техника – это знание, умение, приемы работы... обиход, сноровка [7, с. 404]; это круг наук (изучающих, создающих средства производства и орудий труда), средства труда, знаний, деятельности и совокупность приемов, применяемых в каком-нибудь деле, мастерстве [18, с. 650]; это совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для обслуживания непродовольственных потребностей общества [5, с. 522]. Рассмотрев все вышесказанное, представляется, что *юридическое понимание* «техники» означает «юридическое искусство отделки правового материала, механизм права» [22, с. 12], а в *правореализационном значении* техника – это категория, оказывающая позитивное воздействие на процесс индивидуального регулирования, способствующая повышению эффективности правореализации.

В рамках перечисленных тенденций и сущностных особенностей наиболее спорной представляется дискуссия о соотношении понятий «техника» и «технология», особенно в

сфере реализации, применения права, где уделяется внимание исключительной самостоятельности рассматриваемых категорий, их разделению, взаимопроникновению и отождествлению. Рассматриваемые позиции можно развести по следующим направлениям: 1) техника и технология – это тесно взаимосвязанные категории (С.С. Алексеев, В.В. Лазарев, С.Н. Болдырев); 2) термин «техника» как устоявшееся понятие наиболее предпочтительнее, а потому технология – часть техники (Т.В. Кашанина, Д.А. Керимов, Ю.А. Тихомиров); 3) техника является частью технологии, и все, что относится к технике, правильнее было бы называть технологией (В.М. Баранов, В.Н. Карташов, А.Н. Миронов); 4) рассматриваются аспекты взаимодействия «техники, тактики, стратегии и технологии» (В.Н. Карташов, Т.В. Кашанина). Для того чтобы разобраться в представленном сущностном многообразии требуется детальный анализ существующих и производных понятий, а также их сопоставление.

Изначально понятия «техника» и «технология» широко вошли в обиход в материально-производственной сфере жизни людей. Это объяснялось потребностями общества, мировыми тенденциями и историческим этапом развития каждой страны, так как техническая культура постоянно находится в прямой зависимости от становления цивилизационных процессов. В технике и технологиях, таким образом, «находит отражение тот многогранный опыт, который обретает человечество в течение длительного периода своего развития» [4].

Предположим, что техника и технология юридической деятельности – это имеющие «самостоятельное научно-прикладное юридическое значение» [11] дефиниции. Исходя из этого к технике логичнее будет отнести правила, приемы и средства, к технологии – методы и способы, стадии, этапы, происходящие в процессах реализации права, подчеркивающие действие технических способов, правил, приемов и средств во времени. Но далеко не всегда получается четко разделить и конкретизировать противопоставляемые термины. Это подтверждается существующими в теории права компромиссными вариантами. Например, когда техника выступает в качестве составляющей части другого правового фе-

номена – технологии [16, с. 70], или когда говорят о наличии «структуры юридической техники», в которую включается, «с одной стороны, собственно юридическая техника (средства), с другой – юридическая технология (приемы, способы, методы)» [14]. При этом получается, что «термин “техника” используется в двух разных значениях одновременно» [8]. К тому же, анализируя теорию права, отличающуюся широтой и многоаспектностью, также становится очевидно: четко определить, что относится к «технике», а что к «технологии», вряд ли возможно. В качестве подтверждения данного вывода проанализируем лишь некоторые значения рассматриваемых в теории права категорий. Например, «правоприменительная техника представляет собой самостоятельную, научно-практическую категорию, посредством которой объясняются *правила* создания... актов по применению права» [11]. «Правоприменительная технология понимается как научная категория об основных *закономерностях и правилах* осуществления правоприменительной деятельности» [там же]. «Юридическая технология... категория, предназначенная для познания *закономерностей и особенностей... юридической деятельности, а также выработки оптимальных механизмов, направленных на совершенствование ее осуществления*» [там же]. Или юридическая техника – это совокупность (система) *средств и приемов, правил* [1, с. 267; 20, с. 313]. К технике относят *юридические конструкции, терминологию, к технологии – способы изложения норм, систему отсылок* [1, с. 288]. Иногда *способы, приемы и методы* юридической деятельности относят не к технике, а к юридической тактике [12, с. 17]. Юридическая техника определяется и как «определенная форма правовых *идей, различных социокультурных условий*» [5, с. 10], мастерство, искусство, то есть технология [там же, с. 13] или рассматривается комплексно, как внешняя техника, охватывающая *вопросы, относящиеся к организации деятельности, и внутренняя, включающая в себя вопросы, непосредственно связанные с результатом* [24, с. 81–83]. Юридическая техника понимается как «*средство перевода социальных потребностей на язык права, конструирование норм, обязательных для обеспечения пра-*

вопорядка в обществе» [10]. «В субъективном смысле “техника” означает *юридическое искусство* отделки правового материала, в объективном – *механизм права*» [22, с. 12]. «Технология представляет собой важнейшую *часть юридической практики*» [13, с. 16], а «юридическая технология – это сложная целенаправленная *деятельность по применению технико-юридических средств* в соответствии с определенными правилами...» [17, с. 44]. Таким образом, представленные нами примеры подтверждают невозможность терминологического разграничения, так как и «техника» и «технология» порой однозначны, а сущность определений многопланова: это совокупность правил, закономерностей, средств, механизмов, деятельности, искусства, практики, идей и условий.

Рассмотрев основные «подходы к пониманию техники» и многообразие трактовок категории «технология», представляется бесспорным, что «**техника**» – это «совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства...» [6, с. 1199], а с «**технологией**» связывают операции... производственного процесса¹, то есть техника – это совокупность средств, а технология – совокупность операций. При этом средство – это способ, инструмент, с помощью которого выполняется какое-либо действие или осуществляется та или иная деятельность, а операция – часть, единица технологического процесса (последовательности операций), выполняемая непрерывно и одновременно четко определенным субъектом. Следовательно, технология – комплекс операций или технологических процессов, обусловленных уровнем развития науки и техники по обслуживанию или эксплуатации процессов или явлений, тогда как техника – это искусство осуществления определенной деятельности, опосредованное совокупностью средств и приемов. Отсюда «технологичный» – это «легко поддающийся обработке, использующий в процессе производства наиболее экономичные технологические процессы» [9, с. 1233], а «технический» – «высокоискусный, обладающий высокой техникой исполнения» [19].

В этой связи представляется, что техника охватывает значительно больший пласт возможностей, нежели технология. Техника

как искусство или способ познания и осмысления окружающей действительности использует технологии для оптимизации результата. Например, техника или искусство судебной деятельности, как результат законодательства и сущность правоприменения, будет содержать в себе технологии гражданского, уголовного, административного, арбитражного, конституционного судопроизводства, распределяя и группируя присущее судебной власти многообразие средств с целью защиты и восстановления нарушенных прав. Соответственно технология – это тоже средство.

Отсюда техника первична, а технология вторична. Этот вывод подтверждает и тот факт, что техника как явление сопровождает человека давно и распространяется в том числе на технологические процессы, а категория «технология» появилась сравнительно недавно, «впервые в строго научном значении термин введен в теоретический аппарат производственной сферы немецким ученым И. Бекманом в 1777 г.» [13, с. 16]. Учитывая, что теоретически обоснованно с практическим подтверждением разделить категории «техника» и «технология» оказалось невозможно, считаем, что предпочтительней пользоваться одним обобщающим многообразную юридическую практику понятием «техника». Данная позиция поддерживается большинством исследователей, хотя и считается несколько консервативной, «шаблонной» [там же, с. 19]. Вводить же в научный оборот категорию «технология» и противопоставлять ее категории «техника» считаем нецелесообразным, потому как это породит «понятийную чехарду». Если же данные термины рассматривать как два самостоятельных, но взаимосвязанных явления, функционирующих в одной объективной реальности и решающих единые цели и задачи, то нужно подводить «технику» и «технологию» под единый общий термин, которого пока нет. Следовательно, целесообразно считать, что технология – это часть, элемент техники.

Таким образом, в правовой действительности под *техникой* мы понимаем искусство, в основе которого лежит система методологий, отражающая движение научного знания через техническую деятельность с помощью совокупности технических устройств

(средств, приемов) к получению необходимого результата. Применительно к юридической деятельности мы будем говорить о юридической технике, к законодательству – о законодательской, к сфере правоприменения – о правоприменительной. При этом предикат «юридическая», «законодательная», «правоприменительная», отражающий конкретную функциональную «принадлежность», является исключительно показателем направленности конкретного вида юридической деятельности, а не отражением сущности категории «техника». Отсюда *техника юридической деятельности* – это система теоретически обоснованных методов и способов, апробированных посредством правореализационной деятельности, способствующих достижению оптимального результата с помощью соответствующих правил, приемов и средств.

Техника как совокупность приемов и средств в юридической деятельности необходима и повсеместно востребована. Именно технический аспект порождает тот результат, который прогнозируется законодателем в процессе законодательства. Исключительно технические средства позволяют эффективно реализовать правоотношения, регулируемые правовыми нормами. Это можно наглядно увидеть на примере такого технического средства, как правовые символы. Так, добиться наилучшего результата в государственно-правовой действительности возможно посредством воздействия именно символического. Ведь *символ* – это не имеющая знаковой сущности, динамичная, многозначная, неисчерпаемая, наполненная смыслами идея, элемент коммуникации, в рамках которой в сознании отображаются смысловые значения, синтезирующие внешнюю форму и внутреннее содержание. Человек познает действительность (искусство, религию, философию, историю, политику, право) через культуру (мир символов), насыщенную разноплановыми символами (художественными, религиозными, политическими, правовыми и т. п.). Отсюда правовая действительность также насыщена символическостью. Это и символы-предметы (гербы, гимны, флаги, государственные награды, памятники, здания – Кремль, Конституционный суд и т. п.), и символы-действия (инаугурация президента при вступлении в должность,

процедуры избирательных технологий, процессы судопроизводства, принесение присяги на воинской службе, и т. п.). Предикат «правовой» в данном случае говорит о том, что речь идет о символах, закрепленных в праве и признаваемых государством. Отсюда *правовой символ* – это создаваемая, принимаемая или санкционируемая государством предметно-деятельностная культурная коммуникация, используемая в особом процедурно-процессуальном порядке, которой субъект правотворчества придает особый политико-правовой смысл. Перечисленные особенности правового символа подтверждают, что *правовые символы – это средства технического содержания*.

Правовая символика как средство юридической техники наибольшее влияние оказывает на индивида в рамках правовой действительности, что способствует повышению правовой культуры общества, группы, человека, формированию гражданского общества, достижению поставленных государством и правом задач. Учитывая, что человек познает правовую действительность посредством правовой культуры, сформулированный нами вывод можно подтвердить, рассмотрев *соотношение правовой культуры и правового символа*.

С одной стороны, *правовые символы формируют правовую культуру*, воздействуя на эмоциональную сторону личности, уровень ее правосознания, проявляющегося в конкретном поведении. Например: а) *правовую культуру общества* как «ценностный срез правовой реальности» [15, с. 345–351] формирует *общеправовая символика* (государственная – герб, флаг, гимн, денежная единица); б) *правовая культура группы* формируется посредством *совокупности правовых символов, характерных для конкретной группы или вида деятельности*. В данном контексте на правовую, законотворческую, правоприменительную и другие культуры будет влиять правовая *символика общего и специального значения* (герб, флаг, гимн – общая символика, используемая для законотворчества, правоприменения, иной юридической деятельности, и процессы и процедуры по осуществлению, например, правосудия: фигура Фемиды, молоток судьи – специальные символы, используемые в правоприменении); в) *правовая культура личности*, проявляющаяся в пра-

вомерной деятельности индивида, порождает *многообразие символов*, ведь образно-символическое значение могут иметь как предметы (объекты, цвет, форма, лозунги, знаки), так и действия (поступки, процессы, процедуры, жесты, мысленные образы, обороты речи). Соответственно «почти все может быть объявлено символом» [3, с. 6–7], но с обязательной обстоятельственной конкретизацией, смысловым наполнением. Так, правоприменительный процесс и правоприменительная культура субъектов правоприменительных отношений формируются с помощью *символов-принципов и символов-средств*. Например, *принцип законности*² как *символ правосудия* в стране, с одной стороны, а также закон, герб, гимн и флаг, как символические средства, – с другой, формируют у граждан чувство справедливости и порождают исключительно правовые действия в ходе осуществления правоприменительных действий; *принцип гласности*³ как *символ открытости судебного разбирательства*, и такие символические средства, как аудиозапись, присутствие всех заинтересованных лиц на судебном заседании, публикация судебных решений, государственная автоматизированная система РФ «Правосудие», повышают доверие граждан к суду в частности и правоохранительным органам в целом; *символический принцип охраны прав и свобод человека и гражданина*⁴, базирующийся на таких символах, как процедуры разьяснения подозреваемому его прав и обязанностей, протоколы допроса, документы судебного делопроизводства, оборудование судебных залов и следственных изоляторов, направленное на достойное присутствие человека, судья как символ независимости, и пр.

С другой стороны, *правовая культура* (общества, личности, группы) не только содержит, но и *порождает правовые символы*, которые обогащаются ее наследием. «Сегодня, наверное, трудно найти другое явление, которое породило бы такое же обилие самых противоречивых толкований и интерпретаций, как культура» [15]. Ведь культура многолика, и ее основная задача – охватить необъятное. Именно поэтому культура не стоит на месте, а «производит» необходимые символы, уничтожает отжившие свой век, «складывает в архив» временно неиспользуемые. Правовые символы

появляются, перенимаются, наследуются конкретным народом, санкционируются определенным государством. Соответственно от уровня правовой культуры государства будет зависеть количество и качество используемых правовых символов.

Представленные нами соотношения позволяют сделать вывод, что правовые символы как средства юридической техники наиболее эффективны и действенны при использовании в рамках технологических процессов и процедур. Поэтому предназначение правовой символики как средства юридической техники – способствовать эффективной правореализации посредством различных правовых технологий. Следовательно, юридическая техника как искусство осуществления юридической деятельности, как совокупность методов, способов, правил, реализуемых посредством многообразных средств, становится наиболее действенной при использовании определенных юридических технологий. Таким образом, техника именно как совокупность технологий и средств обеспечивает постоянную модернизацию и инновационное развитие юридической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новый энциклопедический словарь. – М., 2005. – С. 1208. Цит. по: Болдырев, С. Н. Юридическая техника и юридические технологии: соотношение и значение / С. Н. Болдырев // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1 (сент.). Электрон. текстовые дан. Режим доступа: <http://www.journal-nio.com>. Загл. с экрана.

² Статья 7 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

³ Статья 10 Гражданско-процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ.

⁴ Статья 11 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ, ст. 6 Гражданско-процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : курс лекций. В 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – 360 с.

2. Баранов, В. М. Предисловие // Проблемы юридической техники : сб. ст. / В. М. Баранов. –

Н. Новгород : Нижегород. академия МВД России, 2000. – С. 8–16.

3. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов : пер. с нем. / Г. Бидерманн ; общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 335 с.

4. Болдырев, С. Н. Юридическая техника и юридические технологии: соотношение и значение / С. Н. Болдырев // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2010. – № 1 (сент.) – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.journal-nio.com>. – Загл. с экрана.

5. Большая Советская энциклопедия. В 65 т. Т. 25 / гл. ред. О. Ю. Шмидт. – М. : Сов. энцикл., 1976. – 600 с.

6. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. : Норинт, 1997. – 1456 с.

7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. Р – Я / В. И. Даль. – М. : Рипол классик, 2006. – 672 с.

8. Давыдова, М. Л. Рецензия на книгу Кашаниной Т. В. «Юридическая техника» / М. Л. Давыдова // Правоведение. – Вып. 3. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С. 259–263.

9. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 1233 с.

10. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг ; пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – СПб. : Типолит. А. Г. Розена, 1905. – 105 с.

11. Илясов, А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: теоретико-правовой анализ : автореф. ... канд. юрид. наук / А. Н. Илясов. – Саратов, 2008. – 30 с.

12. Карташов, В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) / В. Н. Карташов // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 17–18.

13. Карташов, В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования / В. Н. Карташов // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 16–24.

14. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2007. – 510 с.

15. Матузов, Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юрист, 2004. – 512 с.

16. Миронов, А. Н. Виды юридической технологии в правотворческой и правоприменительной сферах / А. Н. Миронов, К. Р. Мурсалимов, А. С. Логинов // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 70–72.

17. Миронов, А. Н. К вопросу о понятии и элементах юридической технологии / А. Н. Миронов // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 44–46.

18. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1987. – 750 с.
19. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
20. Пучков, О. А. Формы (источники) права. Правотворчество / О. А. Пучков // Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского. – М. : Инфра-М – Норма, 1997. – С. 287–322.
21. Сычева, С. Г. Проблема символа в философии / С. Г. Сычева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 197 с.
22. Тихомиров, Ю. А. Юридическая техника – инструмент правотворчества и правоприменения / Ю. А. Тихомиров // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 12–16.
23. Традиционная и современная технология (философско-методологический анализ). – М. : ИФРАН, 1999. – 213 с.
24. Ушаков, А. А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах / А. А. Ушаков // Ученые записки Перм. гос. ун-та. Серия «Юридические науки». – 1961. – Т. 19, вып. 5. – С. 81–83.

RELATIONSHIP BETWEEN CATEGORIES OF “TECHNIQUE” AND “TECHNOLOGY” IN THE CONTEXT OF LAW IMPLEMENTATION

O.I. Sharno

The author considers the relationship between categories of “technique” and “technology” in the context of law. The analyses of the existing scientific concepts of “technique” and “technology”, discussions about their relationship allows us to formulate the conclusions about the “technicality” of legal activity in general and about the “technologicality” of its processes and events. This makes it possible to deduce the author’s definition of the category “technique” in legal activities. The legal symbols are most effective technical means in implementing the law.

Key words: *technique, technology, legal technique, implementation of law, symbols, legal symbols.*